

Т.В. Котюкова
**«Мусульманский вопрос»
в документах Туркестанского
районного охранного отделения
1907–1917 гг.**

Начало XX вв. — это время, когда политические и духовные явления в мусульманской общине Российской империи вызывали серьезную обеспокоенность правящих кругов. Государственная власть, опасаясь проявления сепаратизма в мусульманских районах, оглядываясь на революции 1905–1907 гг. в Иране и 1908–1909 гг. в Турции, активно стимулировала изучение и «разработку», в первую очередь правоохранительными органами, различных сторон мусульманского движения России.

Потенциально одним из наиболее взрывоопасных мусульманских регионов империи являлся Туркестан. В этой причине Министерство внутренних дел проявляло активный интерес к так называемому «мусульманскому вопросу» в целом и к его конкретным проявлениям в крае.

Между местной и центральной властью велась постоянная переписка по данной проблеме, которая сохранилась в фондах крупнейших российских архивов (ГА РФ, РГИА, РГВИА и др.). При этом интерес исследователей привлекают и фонды Центрального государственного архива Республики Узбекистан (далее ЦГА РУз), сохранившие разнообразный массив документов по этой тематике. Безусловно, некоторая их часть представляет собой копии документов или даже копии с копий, особенно если это касается писем и циркуляров Министерства внутренних дел, Департамента полиции и Департамента духовных дел и иностранных вероисповеданий. Однако в фондах архива отложились ценнейшие документы, до сегодняшнего дня оставшиеся вне поля зрения российских исследователей.

Одним из крупнейших фондов в ЦГА РУз является фонд И–461 «Туркестанское районное охранное отделение».

Районные охранные отделения в России были созданы 14 декабря 1906 г. на основании специального «Положения о Районных охранных отделениях». Создавались они в целях борьбы с революционным и на-

ционально-освободительным движением. В июне 1907 г. в Туркестанский край был командирован для руководства политическим розыском чиновник Министерства внутренних дел, возглавивший образованный тогда же Особый отдел при канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. В конце 1907 г. вместо Особого отдела было создано Туркестанское районное охранное отделение (ТРОО), во главе которого стоял жандармский полковник. Охранное отделение ведало политическим сыском в крае. Его деятельность распространялась на Закаспийскую, Самаркандскую, Семиречинскую, Сырдарьинскую и Ферганскую области. Ему были подчинены отделения жандармских полицейских управлений Среднеазиатской железной дороги и Ташкентской железной дороги. Туркестанское районное охранное отделение было упразднено приказом генерал-губернатора в марте 1917 г.

Мусульманский фактор как связующая основа конфессионального единства населения края являлся, пожалуй, важнейшей проблемой, с которой столкнулись русские чиновники в Туркестане. На наш взгляд, наибольшее ее обострение приходится на период с 1898 г. (Андижанское восстание) по 1916 г. После 1917 г. эта проблема никуда не исчезает и остается нерешенной; она переходит несколько в иную плоскость и существует уже в рамках иного политического строя и иной государственной идеологии.

Государственная политика в отношении ислама в Туркестане выстраивалась постепенно. Основным в «мусульманской политике» первого генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана было последовательное «игнорирование» ислама.

Преемник генерала Кауфмана, генерал-майор М.Г. Черняев, был противником политики «игнорирования» и считал, что в будущем это ни к чему хорошему не приведет [Литвинов, 2007, с. 402].

Следующий этап рассмотрения вопроса был связан с Андижанским восстанием 1898 г. В 1899 г. генерал-губернатор Туркестана С.М. Духовской представил Николаю II доклад под названием «Ислам в Туркестане». Помимо жестких мер борьбы генерал Духовской предлагал усилить «слияние» русского и туземного населения. Предложения генерала Духовского активно обсуждали в различных ведомствах, но от реальных шагов правительство воздержалось [Литвинов, 1998, с. 68–69].

Генерал-губернатор Туркестана в 1904–1905 гг. Н.Н. Тевяшов был сторонником кауфмановской политики и стоял на позициях «невмешательства» [Арапов, 2004, с. 220].

Туркестанский генерал-губернатор 1908–1909 гг. П.И. Мищенко констатировал проявление мусульманского фанатизма и предлагал бороться с ним посредством «тайной агентуры» и русско-туземных школ. Его преемник, генерал А.В. Самсонов (1909–1913), сообщил лично премьер-министру П.А. Столыпину о крайнем «непокойствии» в крае и «подъеме» в местной мусульманской среде [Там же, с. 221–222].

Персидская и младотурецкая революции первого десятилетия XX в. усилили интерес российского правительства к оппозиционному мусульманскому движению. Одним из направлений национальной политики стала борьба с панисламизмом и пантюркизмом, под которым в России понималось всякое проявление культурно-политического самосознания мусульман. В приверженности панисламизму обвинялись прежде всего представители мусульманской интеллигенции.

Туркестанское районное охранное отделение постоянно наблюдало за лидерами национального движения. Об этом свидетельствуют документы. Туркестанская охранка давала следующее определение панисламизма: «Строго определенной программы и тактики панисламисты не выработали. Ближайшая их задача — политическая борьба с ныне существующим строем, который является в их глазах главной препоной к национальному самоопределению магометан» [ЦГА РУз. Ф. И–461. Оп. 1. Д. 468. Л. 174].

Туркестанский генерал-губернатор генерал А.В. Самсонов на этот счет имел собственное мнение: «...Думаю, что устная и газетная противоправительственная пропаганда... пока вьет гнезда только в кружках татар и пригородного киргизского и сартовского населения. Именно здесь противятся... введению русского языка в школах и здесь же культивируется противодействие всем начинаниям правительства, клонящимся к ассимиляции с нами доселе обособленного мусульманского мира» [Аманжолова, 2005, с. 90].

Однако нельзя не отметить тот факт, что после турецкой революции в политическом сознании российских мусульман действительно наметилась сильная протурецкая ориентация, которая серьезно беспокоила власть. Поэтому в целом комплексе вопросов Турция воспринималась российскими мусульманами как ориентир, к которому нужно стремиться.

В 1908 г. при Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора была сформирована особая комиссия «По вопросу разведки вне и внутри Туркестанского края». В первом же своем протоколе собравшиеся фиксируют мнение, что брожение среди мусульман после 1905 г. не улеглось и неизвестно какую еще примет форму [Федоров, 1925, с. 24]. В вопросах административного устройства края комиссия признала необходимым отказаться от специальной системы управления для мусульман и подчинить их в этом смысле общеимперскому законодательству, в области религиозной политики — учреждение специальной православной миссии в Ташкенте. Помимо этого правительство все активнее проводило переселение русских крестьян из Центральной в Азиатскую Россию.

В целях выяснения настроений мусульманского населения в 1910 г. депутат Государственной думы С.Н. Максудов отправился в поездку по Волге, Уралу, Туркестану и Кавказу. 13 марта 1912 г. своими впечатлениями от поездки Максудов поделился с думской трибуны.

Текст его выступления был отдельным оттиском направлен для ознакомления и детальной проработки в ТРОО [ЦГА РУз. Ф. И–461. Оп. 1. Д. 1260. Л. 156–163об.].

Накануне Первой мировой войны вопрос об умонастроениях мусульманского населения Туркестана стоял очень остро. В этот период обязанности Главного инспектора народных училищ Туркестанского края, во время отсутствия Ф.М. Керенского, неоднократно исполнял директор Ташкентской мужской гимназии, известный исламовед и педагог Н.П. Остроумов. В 1910 г. начальник ТРОО, полковник В.И. Андреев, обратился к Остроумову за разъяснениями. Андреева интересовало, в какой степени частные новометодные мактабы подчинены правительственному контролю и нет ли признаков связи мактабдаров с Турцией, а если есть, то в чем она выражается [Там же. Д. 948. Л. 10].

Интерес охраны не был случайным. В 1909 г. в Константинополе было основано «Научное Бухарское общество», которое явилось органом отдела народного просвещения младотюркского комитета «Единение и Прогресс». При его посредничестве турки поддерживали сношения с Бухарой и Кашгаром, где вербовали учеников, которых затем размещали в военных и других правительственных школах Константинополя. По донесениям Российского императорского посольства в Константинополе, в 1910 г. учеников насчитывалось до ста человек, «из коих половина бухарцы, а другая половина кашгарцы». Помимо общей программы преподаваемых предметов, ученикам внушались «все ходячие идеи панисламизма и Турецкого шовинизма» [Там же. Д. 1260. Л. 18].

Из ответа Остроумова следует, что частные новометодные школы края правительству неподконтрольны. Что же касается связей с Турцией, то на этот счет официальных сведений в Управлении учебными заведениями не было. По мнению самого Остроумова, такая связь существовала. По крайней мере, как полагал Николай Петрович, некоторые учителя новометодных мактабов находятся если не в прямых сношениях с Турецким просветительским комитетом «Единение и Прогресс», то в идеологической и нравственной зависимости от последнего [Там же. Л. 11]. Он считал, что затронутый вопрос имеет первостепенное государственное значение и на него давно следовало обратить внимание на самом высоком правительственном уровне [Там же. Д. 948. Л. 11об.].

В фонде ТРОО отложилось значительное количество анонимных доносов на мактабдаров новометодных школ [Котюкова, 2007, с. 142–146]. Они могли быть как отражением существовавшей вражды или профессиональной конкуренции между приверженцами новых методов обучения в мусульманских школах или оппонентами из местной мусульманской среды, так и заказной провокацией.

Разбор анонимок и «персональных дел» был на втором плане. Главным стоит считать вопрос о контроле государства над мусульманскими учебными заведениями, и в первую очередь новометодными.

Правительство и краевая администрация не были противниками новометодных школ, но стремились их контролировать, так же как и традиционные мактабы. С каждым днем их влияние на умы и настроение коренного населения усиливалось, а политическая лояльность к русской власти снижалась.

Боязнь контроля со стороны государства, можно объяснить, с одной стороны, традиционной закрытостью мусульманского общества и нежеланием допускать в святая святых — вопросы воспитания — иноверцев. С другой, как показывают документы, — мактабдарам было что скрывать от государства, поскольку новометодные школы правительством не контролировались и были местом пропаганды не только новаторских технологий в области педагогики, но и антиправительственных настроений. А грань между новаторством и крамолой во все времена была очень условной.

Газета «Вакт» 3 февраля 1911 г. в статье «Стесняют ли ногайцев (тюрков. — Т. К.) в России или нет?» приводила внушительный список притеснений, которые вынуждены терпеть мусульмане, и особенно в Туркестане: им нельзя покупать в Туркестане землю; они лишены права выбора в Думу; им запрещают преподавание родного языка в начальных школах, несмотря на то, что в Туркестане мусульмане составляют 95 % всех жителей; их заставляют по закону о праздничных днях праздновать христианские праздники, отвергая их собственные религиозные праздники; 20 млн мусульман в России не разрешают открыть хотя бы одну собственную мусульманскую учительскую семинарию; их не назначают на высокие государственные должности, тогда как в Турции христиан назначают на министерские и другие высшие должности; переселенческая политика в Туркестане проводится далеко не в интересах мусульман; на мактабы и медресе в Туркестане государство не ассигнует ни копейки, в то время как на церковно-приходские школы ежегодно отпускают средства из казны; из «инородцев» в Ташкентскую городскую думу избирают только 5 % гласных и т.д. [ЦГА РУз. Ф. И–461. Оп. 1. Д. 949. Л. 21–21об.].

С другой стороны, согласно всеподданнейшему отчету Министерства народного просвещения за 1913 г., в Туркестане насчитывалось 6022 мактаба, из 9723 имевшихся в империи, 445 медресе, из 1064 действовавших по стране [Россия накануне, 2008, с. 334]. Остроумов на 1912 г. приводит несколько иные цифры, но того же порядка — 7290 мактабов, 376 медресе [Былое, 1924, с. 241]. В 1912 г. в России насчитывались 23 мусульманские типографии, в которых издавалось только на «киргизском языке 36 изданий, на сартовском — 40, на всех мусульманских языках в России печаталось книг и брошюр — 2 812 000 экземпляров, из них религиозного содержания — 1 282 000» [Там же, с. 242].

В пяти областях Туркестанского генерал-губернаторства к началу XX в. функционировало 12 733 мечети, в том числе 1503 соборных,

что составляло более 50 % от общего числа подобных учреждений всей Российской империи [Литвинов, 1998, с. 81].

Существовало мнение, согласно которому панисламизм, т.е. идея создания государства, объединяющего всех мусульман, утопичен, поскольку народы, исповедующие ислам, разбросаны по всему свету и поэтому «могут сочувствовать этой идее лишь платонически». Внутри России панисламизм для нее неопасен, но он может угрожать ей извне, особенно если Германия будет продолжать посылать своих военных инструкторов в мусульманские государства [Туркестанский курьер. 13.01.1912].

В начале 1910 г. Министерство иностранных дел России стало получать сведения о готовящемся в Турции плане по сбору средств на усиление армии и флота. В этих условиях руководство МИД и МВД с большой долей вероятности полагали, что в случае военного столкновения с Турцией приверженцы ислама в России встанут на сторону «братьев-мусульман» [Котюкова, 2004, с. 85–95].

В мае 1909 г. в Ташкенте открылось мусульманское просветительское общество «Помощь». Председателем совета общества стал гласный Ташкентской городской думы Саидкирим Саидазимбаев. Своей задачей оно считало оказание нравственной и материальной помощи нуждающимся. По сведениям ТРОО, под «нуждающимися» часто понимались единоверцы Османской империи, и собранные средства предназначались им [ЦГА РУз. Ф. И–461. Оп. 1. Д. 1116. Л. 68]. В Закаспийской области был известен случай сбора денег в пользу «Красного Полумесяца», разрешенный (!) начальником Красноводского уезда. Сбор денег был прекращен по распоряжению начальника области, а собранные деньги сданы в местное казначейство [Там же. Д. 443. Л. 25].

Такие случаи были известны по всем регионам России, где компактно проживало мусульманское население.

2 декабря 1912 г. Департамент полиции направил срочную телеграмму в ТРОО, в которой просил предоставить обстоятельную информацию об отношении различных кругов туркестанского населения к событиям на Балканском полуострове, указав: замечается ли и в каких именно слоях сочувствие к какой-либо из воюющих сторон и в чем оно выражается; какие вообще высказываются соображения по вопросу желательности вмешательства России в «славянский вопрос» на Балканах [Там же. Д. 1168. Л. 233].

2 января 1913 г. из Ташкента отправили ответ — местное русское население, безусловно, сочувствует славянам; мусульмане симпатизируют туркам и среди интеллигенции приобретают все большее влияние идеи панисламизма. Кроме разговоров «сочувствие выражается сбором пожертвований доходящих у мусульман до весьма значительных сумм». Вмешательство России в Балканский конфликт на стороне славян подтверждает у местных мусульман уже существующее убеждение, что война славянских народов и Турции была вызвана Россией. Между тем мест-

ное русское население высказывало опасения в неподготовленности России к войне [Там же. Л. 233об.].

На фоне разгоравшегося Балканского конфликта в 1913 г. среди российских мусульман все сильнее обсуждался вопрос о якобы предстоящей войне России с Китаем. В Департаменте полиции полагали, что турецкие эмиссары в случае действительного начала такой войны вполне могли вести агитацию за объединение мусульманских народов и их отделение от России с последующим нападением на последнюю в союзе с Японией и Китаем [Там же. Д. 443. Л. 88].

Имелись сведения, что так называемым «мусульманским комитетом» из Тифлиса рассылались прокламации на турецком языке, направленные против России и призывающие мусульман объединиться и «кровью защитить ислам, дабы не дать христианам восторжествовать и уничтожить мусульманство» [Там же. Л. 252].

В Турции признавали, что одной из главных причин медленно-го распространения панисламизма в России является «малая культурность низших слоев мусульманского населения, невежество их духовенства и существующая между мусульманскими сектами религиозная ненависть» [Там же. Д. 479. Л. 65].

Поэтому пропагандистов в Россию было решено пока не направлять, «возложив обязанности по пропаганде панисламистских идей в России на избранных местных мусульман, сочувствующих этим идеям» [Там же].

Из этого следует, что под турецкими эмиссарами и агентами не всегда следует понимать лиц, имевших турецкое подданство. В первую очередь ставка делалась на российских мусульман. Они и были главными «турецкими шпионами». Подавляющая часть «турецких шпионов», имела российское или бухарское подданство. Подданных Турции были единицы. Это подтверждают документы ТРОО.

Охранка отслеживала и фиксировала перемещения и встречи лиц, подозреваемых в сочувствии и распространении протурецких настроений. ТРОО располагало достаточно разветвленной агентурной сетью, имевшей, однако, серьезный недостаток — очень поверхностное знакомство с мусульманской средой как с предметом изучения. За предвоенный период сохранилось много агентурных донесений, зачастую страдающих слабым аналитическим разбором ситуации, но с выводами, которые должны были радовать петербургских чиновников — «в Туркестане все спокойно!».

Начало Первой мировой войны по-разному было встречено населением края. На фоне этого поток анонимок и доносов в ТРОО значительно увеличился. По одному из них в 1914 г. в Закаспии ТРОО разбирало «Дело о политической благонадежности жителей г. Мерва, подозреваемых в сборе денег среди мусульман в пользу Турции для панисламистских организаций». Главным фигурантом в нем проходил полковник в отставке русской армии Николай Николаевич (Кашаш-

хан оглы) Хан Иомудский. С 1889 г. он служил в Закаспийской области и пользовался большим авторитетом у местного населения. Русская власть также доверяла ему. Хан Иомудский родился и воспитывался в России, получил блестящее образование. В январе 1908 г. он в качестве эксперта входил в особую комиссию по разработке нового проекта «Положения об управлении Туркестанским краем». В 1909 г. участвовал в ревизии Туркестана под руководством сенатора К.К. Палена. Выйдя в отставку по состоянию здоровья в 1910 г., Николай Николаевич продолжал принимать активное участие в местной жизни.

Но 2 июля 1913 г. Хан Иомудский был арестован по обвинению в причастности к антиправительственной агитации. 3 июля в его квартире был проведен обыск. 6 июля обыск повторили и за квартирой установили наблюдение. Арест хана вызвал брожения среди туркмен. Вскоре за отсутствием доказательств он был отпущен [Там же. Д. 1398. Л. 1 об., 24, 30, 36].

На допросе в ТРОО 29 октября 1914 г., местный коммерсант, М.А. Асцатуров, показал, что Хан Иомудский при всяком удобном случае внушал туркменам, что они обмануты русским правительством, которое не держит своих обещаний, данных при присоединении края. Кроме того, по словам Асцатурова, он убеждал туркмен объединиться для защиты своих интересов, «так как в противном случае русские на их мечетях повесят колокола, заберут их земли, заселят их мужиками и туркмен сделают христианами» [Там же. Д. 1560. Л. 5–5об.].

Согласно донесениям ТРОО, к концу 1914 г. обстановка в Туркестане выглядела следующим образом: «Сейчас ...мусульмане настроены довольно спокойно, и интеллигентные сарты к поражению Турции относятся довольно хладнокровно, но, если только Афганистан объявит войну России, сарты восстанут как один человек. Мусульмане смотрят на Германию как на свою освободительницу, и весь интерес войны сосредоточен на ней, потому что знают, если победит Германия, то Турции и всем другим мусульманским государствам будет хорошо. Имя Вильгельм известно даже самым темным и захудалым беднякам. Все мусульмане на него молятся, потому что среди них кто-то вселил убеждение, что Вильгельм всю эту войну начал из-за мусульман, которых он хочет слить в одно могущественное государство» [Там же. Д. 2155. Л. 1].

В середине 1915 г. на юго-восточных рубежах России действительно было неспокойно. Многочисленные документы свидетельствуют о росте антироссийских настроений в сопредельных с Русским Туркестаном государствах. По сообщениям разведки, Афганистан усиленно готовился к войне с Россией. Отмечалось о прибытии турецких войск на его территорию. В армию призывались горные племена, спешно обучаемые германскими и турецкими инструкторами. Населению в провинциях раздавалось оружие. В приграничной полосе сохранялось видимое спокойствие, но война с Россией считалась неизбежной [Там же. Д. 2144. Л. 101].

Непростой ситуация была в Персии, особенно в пограничных с Россией северных районах. Для борьбы с немецким и турецким влиянием в пределах Хорасана Россия командировала в Персию специальный отряд.

В январе 1916 г. от директора Департамента духовных дел и иностранных исповеданий (ДДДИИ) на имя временного управляющего Канцелярией Туркестанского генерал-губернатора Н.В. Ефремова поступило следующее сообщение: «По имеющимся в распоряжении министерства сведениям, передовые элементы мусульманского населения Казанской губернии выражают недовольство, мусульманской фракцией Государственной думы... Казанские мусульмане ведут агитацию в смысле необходимости командировать в помощь членам фракции опытных и образованных общественных деятелей из различных местностей с мусульманским населением... Не предполагается ли командирование уполномоченных с указанной целью в Петроград от мусульманского населения Туркестанского края». Директор ДДДИИ настоятельно просил сообщить ему подробные сведения о личностях командируемых, если таковые будут [Котюкова, 2003, с. 130–131].

Во все области края были даны срочные распоряжения местному руководству о сборе сведений о настроениях местного населения. По мере получения сведений с мест они отправлялись в Петроград. Ни в одной области Туркестана «крамолы» среди коренного населения выявлено тогда не было [ЦГА РУз. Ф. И–461. Оп. 1. Д. 1193. Л. 1–3]. Но это не могло означать, что ее не было на самом деле.

У системы управления Туркестаном была не одна «ахиллесова пята». Одним из наиболее уязвимых мест являлось слабое знание чиновниками краевой администрации местных языков. Этот факт неоднократно с прискорбием отмечался в официальной переписке между Петроградом и Ташкентом чиновниками самого высокого уровня. Знание местных языков не являлось обязательным требованием для замещения административной должности. Очень немногие офицеры и чиновники знали эти языки или старались их освоить. Это несмотря на то, что многие из них перед направлением на службу прошли курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИД, в Лазаревском институте восточных языков, в Ташкентской офицерской школе восточных языков при Штабе Туркестанского военного округа и ряде других учебных заведений. Кроме того, между населением и русской администрацией, по меткому выражению одного современника, «встряли туземные должностные лица», прежде всего переводчики.

«Трудности перевода» в лучшем случае порождали недоразумения, а в худшем сознательно использовались низовой администрацией (она состояла из лиц коренных национальностей) для наживы путем создания всевозможных коррупционных схем.

Прикрываясь политическими идеями, они в действительности нередко преследовали совсем иные цели. В качестве примера работы

такого коррупционного механизма приведем служебное расследование, проведенное и.д. Ферганского военного губернатора полковником П.П. Ивановым, отчет по которому в виде секретного доклада был представлен Туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину 12 декабря 1916 г. [Там же. Д. 1902а. Л. 61–65об.]. Главным действующим лицом этой скандальной истории был письменный переводчик Андиганского уездного управления Сулейман Кенгельбаев, при участии переводчиков мировых судей Андиганского уезда: 1-го участка Акбара Байтурсунова и 5-го участка Мадамина Байтурсунова.

Из имеющихся в деле показаний очевидно, что деятельность этих трех лиц была организована в чрезвычайно тонко разработанную систему и длилась порядка восьми лет. Объектами деятельности преступного сообщества являлись туземные должностные лица и состоятельные представители коренного населения. Деятельность выражалась в том, что Сулейман Кенгельбаев принуждал «заинтересованных лиц» к подаче жалоб на туземное должностное лицо, обещая убрать его с должности, за что от «заинтересованных лиц» получал мзду. Изучив делопроизводство уездного управления, а также областного правления, Кенгельбаев путем грамотного составления кляузы и подтасовки свидетельских показаний добивался назначения следствия в отношении своей жертвы и устранения ее от должности. После этого пострадавший «должностной туземец», потерявший должность и находящийся под угрозой следствия, которое находилось в руках сообщников Кенгельбаева, братьев Байтурсуновых, волей-неволей шел к Кенгельбаеву, приносил ему значительную сумму, и тогда Байтурсуновы, фигурируя в качестве переводчиков следователей, делали все для прекращения следствия. Затем, снова получив взятку, Кенгельбаев возбуждал от имени своей жертвы ходатайство о восстановлении в должности на основании данных следствия, не подтвердившего виновность. Жертва возвращалась на прежнюю должность. Сбоев в работе Кенгельбаева и К^о не было.

25 июня 1916 г. Николай II подписал указ «О привлечении мужского инородческого населения Империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ» в возрасте от 19 до 43 лет включительно. Целью указа являлось обеспечение рабочей силой ряда оборонных объектов и военных предприятий, то есть расширение возможности призыва на фронт занятых там русских рабочих путем замены их коренным населением ряда регионов империи, освобожденных от несения воинской повинности.

29 июня мобилизация была начата. Среди населения стали распространять слухи, что это не набор на тыловые работы, а скрытая мобилизация на фронт, необходимая для уничтожения коренного населения для заселения освобожденных земель русскими.

Такая интерпретация возникшей ситуации базировалась на том, что после завоевания Средней Азии Россия гарантировала коренным народам освобождение от несения воинской повинности, и достаточно долго свое обещание сдерживала. С одной стороны, это была, по сути, привилегия, носившая характер «монаршей милости» русского царя, с другой — вполне оправданная политическая мера, поскольку мусульманское население недавно присоединенной к России огромной территории не могло считаться достаточно благонадежным. Население Туркестана истолковало мобилизацию на тыловые работы как отказ со стороны русского правительства от данных ранее обязательств и нарушение своих законных прав.

Вскоре на огромной территории Туркестана и Степного края разгорелось массовое восстание, реально угрожавшее как социально-политическому спокойствию на азиатских рубежах империи, так и ее экономическому могуществу. Значительная часть документов, связанных с восстанием 1916 г., отложилась в фонде туркестанской охранки.

После объявления Указа о мобилизации по предложению представителей национальной интеллигенции были созданы (и ею возглавлялись) комитеты по содействию набору тыловых рабочих. Ташкентский комитет по отправке коренного населения на тыловые работы возглавил Убайдулла Ходжаев, один из известных и влиятельных политических лидеров края, в будущем военный министр Туркестанской (Кокандской) автономии.

Ходжаев был интересной и неоднозначной фигурой. Оставив заметный след в туркестанской журналистике, в полной мере проявить себя он смог на волне восстания 1916 г. и связанных с ним дискуссий.

В 1913 г. Ходжаев был уже довольно известным адвокатом и объектом пристального внимания ТРОО. Документы охранки характеризуют его как «убежденного панисламиста». Вскоре он возглавил прогрессивную мусульманскую политическую группу «Умид» («Надежда»). С 1914 г. им стала издаваться газета лево-либерального направления «Садои Туркестан» («Голос Туркестана»), после закрытия которой по причине ее антиправительственной направленности Ходжаев уехал в Андижан, где активно сотрудничал с русскоязычным изданием аналогичного направления и с аналогичным названием «Туркестанский голос».

В июле 1916 г. он совместно с редактором газеты «Туркестанский голос» А.А. Чайкиным и одним из лидеров туркестанских джаидов Мустофой Чокаевым побывал в Петрограде. Будучи уполномоченными жителями города Андижана, они просили депутатов приехать в край и на месте разобраться, как идут дела с набором на тыловые работы. Кроме того, Ходжаев, Чайкин и Чокаев собирались обратиться в Думу с ходатайством в об отмене указа о призыве инородцев и возвращении Туркестану избирательных прав. По сведениям охранки, на проведение этой политической акции они получили от местного населения крупную сумму денег [Там же. Д. 1968. Л. 6].

Вот какую характеристику дает Ходжаеву исполняющий дела военного губернатора Ферганской области полковник П.П. Иванов: «...Перед беспорядками (речь идет о восстании 1916 г. — Т. К.) Ходжаев создает себе марку панисламиста. После беспорядков едет в Петроград, проникает благодаря газетным связям в думские круги, освещает тенденциозно положение вещей в крае и везет в Туркестан Керенского и Тевкелева, с которыми появляется везде, распуская в народе сведения о том, что он нашел влиятельных защитников туземному населению в Петрограде» [Там же].

В сентябре 1916 г. У. Ходжаев подал на имя генерал-губернатора генерала Куропаткина прошение, в котором, в частности, говорилось: «... Довожу до вашего сведения, что всем этим лицам (коренному населению. — Т. К.) внушается под угрозой ареста мысль, как внушалась она и перед приездом членов Государственной думы, не подавать Вашему Высокопревосходительству никаких заявлений и жалоб на действия администрации» [Там же. Ф. И–1. Оп. 31. Д. 1144. Л. 54].

После этого краевая администрация в очередной раз запретила Ходжаеву издавать газету «Садои Туркестан» и проживать в Андижане и Ташкенте в той же связи [Там же. Ф. И–641. Оп. 1. Д. 1968. Л. 30об.]. В документах за февраль 1917 г. содержится информация о намерении Ходжаева обжаловать это решение генерал-губернатора в мусульманской фракции Государственной думы.

Агент ТРОО отмечает интересную деталь: «... Между прочим Андижанская партия “Таракки парварлар” («Общество равенства или единения и прогресса». — Т. К.) снабдила его деньгами в количестве 1700 руб.» [Там же. Л. 31].

Это не единственное упоминание о «добровольных сборах и пожертвованиях». Например, в Ташкенте в октябре 1916 г. пятидесятники продолжали взыскивать с каждого двора от 200 до 500 руб., заявляя, что эти деньги идут на обмундирование и содержание отправляемых рабочих. Такие незаконные поборы тяжелым бременем ложились на население. Люди сомневались в действительности существования подобного распоряжения, но не обращались к властям с жалобой, опасаясь, что их сочтут бунтовщиками [Там же. Д. 2144. Л. 127].

Кому, куда и на какие цели шли собираемые у населения деньги?

Шли они в Ташкентский комитет по набору и отправке тылови-ков, в том числе к его председателю, Убайдулле Ходжаеву. По имеющимся сведениям, большая часть денег расходовалась не по назначению, а просто прикарманивалась Ходжаевым и другими членами комитета, якобы «на различные надобности, вызываемые возложенными на них обязанностями» [Там же].

Доказательством этому может служить тот факт, что в качестве места постоянного проживания кандидата в депутаты Учредительного собрания, которое указывалось окружной избирательной комиссией, у Ходжаева таковым значится одна из самых дорогих тогда гостиниц

Ташкента — «Националь», а у Чокаева — гостиница «Регина» [ГА РФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 366. Л. 16].

Согласно донесению ТРОО от 3 января 1917 г., частный поверенный Убайдулла Ходжаев предложил ташкентским сартам свои услуги по защите их интересов как в правительственных кругах, так и в Государственной думе, для чего он намерен переехать на жительство в Петроград при условии получения им гонорара в размере 6000 руб. в год [ЦГА РУз. Ф. И–461. Оп. 1. Д. 1919. Л. 7].

Современным исследователям не стоит слишком идеализировать «национальных героев» и не следует забывать, что это были живые, порой крайне амбициозные люди, со всеми свойственными человеку страстями и заблуждениями. Очевидно одно — за короткий промежуток времени Ходжаев сделал стремительную карьеру. Из подпольного адвоката он превратился во влиятельного политического деятеля, получившего возможность проживать огромные деньги. В глазах коренного населения У. Ходжаев стал сановником, и свои прошения теперь они адресовали прямо ему как лицу, по их мнению, облеченному громадной властью [Там же. Д. 1902а. Л. 61–65об.].

Обострение мусульманского вопроса в начале XX в. в России в целом и в Туркестане в частности, вылившееся в итоге в масштабное восстание 1916 г., было связано с крупными изменениями в исламском мире вообще. Турция, с которой Россия воевала на протяжении нескольких веков, ведя активную пропагандистскую работу, предложила мусульманам России идею единства всех мусульман. Российское правительство оказалось неспособным ничего противопоставить в качестве упреждающего или ответного идеологического хода. Более того, Россия, с одной стороны, призывала своих мусульман, в том числе туркестанских, «проникнуться духом русской гражданственности», с другой — сохраняла дифференцированный подход к гражданам империи в этноконфессиональном вопросе.

Объем настоящей публикации позволяет нам лишь в самых общих чертах обозначить целый ряд интереснейших проблем и сюжетов, объединенных нами под заголовком «Мусульманский вопрос в Туркестане», и дать только самую общую характеристику основным документальным массивам, отложившимся в фонде Туркестанского районного охранного отделения ЦГА РУз. Тем не менее это дает возможность получить представление о значимости и важности этого фонда для проведения дальнейших научных изысканий как отечественными, так и зарубежными исследователями.

Источники и литература

- Аманжолова, 2005 — Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг.: Сб. док. / Автор-сост. Д.А. Аманжолова. Караганда, 2005.
- Арапов, 2004 — *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII–начало XX в.). М., 2004.
- Котюкова, 2003 — Туркестан и Государственная Дума Российской империи. Документы ЦГА Республики Узбекистан. 1915–1916 гг. / Публикация Т.В. Котюковой // Исторический архив. 2003, № 3.
- Котюкова, 2004 — Турецкие эмиссары в России. Документы ЦГА РУз. 1910–1914 гг. / Публикация Т.В. Котюковой // Исторический архив. 2004, № 4.
- Котюкова, 2007 — *Котюкова Т.В.* Остроумов и Муноваркары: заочная дуэль (освещение проблемы новометодных мактабов в документах Туркестанского районного охранного отделения) // Мир ислама: история, общество, культура. Материалы международной исламоведческой научной конференции. 11–13 декабря 2007 г., Москва, РГГУ. М., 2009. С. 141–146.
- Литвинов, 1998 — *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане 1865–1917 (по архивным материалам). Елец, 1998.
- Литвинов, 2007 — *Литвинов П.П.* Органы департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам). Елец, 2007.
- Миклашевский, 1924 — *Миклашевский А.* Социальное движение 1916 г. в Туркестане // Былое. 1924, № 27–28.
- Россия накануне, 2008 — Россия накануне Первой мировой войны (Статистико-документальный справочник). М., 2008.
- Туркестанский курьер. 13.01.1912.
- ЦГА РУз — Центральный государственный архив Республики Узбекистан.
- Федоров, 1925 — *Федоров Е.* Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925.